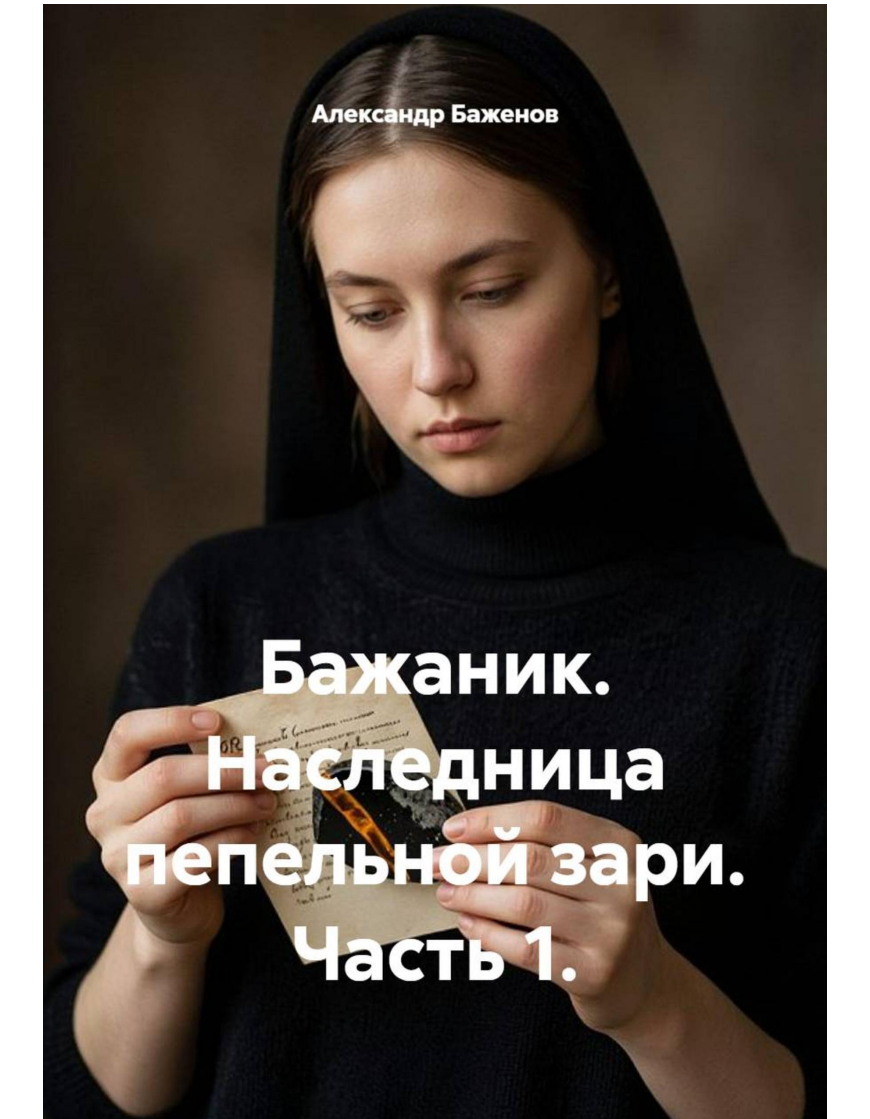




Александр Баженов

**Бажаник.
Наследница
пепельной зари.
Часть 1.**

Александр Баженов

Бажаник. Наследница

пепельной зари. Часть 1.

<https://litres.ru/74490554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира, реставратор старинных книг из Санкт-Петербурга, получает после смерти бабушки загадочный деревянный ящик с древней рукописью и странной запиской. Прикоснувшись к пергаменту, она переносится в мир Пепельной Зари, где встречает Вельмира, холодного князя болотников. Мира узнаёт, что обладает силой соединять пепел и воду, огонь и землю, становясь мостом между разделёнными народами.

Вместе с Вельмиром она проходит три ключа-испытания. У Древа Раскола отдаёт страх, обретая силу. В Каменном Сердце принимает свою тёмную сторону. В Пепельном дворе соединяет разорванные нити мира, не растворяясь, как первая жрица, а оставаясь собой. По пути она учится исцелять людей от пепельной хвори, а Вельмир учится быть мостом рядом с ней. Между героями вспыхивает глубокая любовь.

Часть завершается посадкой семян Древа Жизни, созданием первых ростков в мёртвых землях и возвращением героев в

Костный Брод, где их ждут как князя и княгиню. Мира понимает, что не вернётся домой, пока не соединит весь мир.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «МОСТМЕЖДУ ПЕПЛОМ И ВОДОЙ»	5
ГЛАВА 1: «ПЕПЕЛ НАПАЛЬЦАХ»	5
Эпизод 1. «Пергамент»	5
Эпизод 2. «Голос в темноте»	20
Эпизод 3. «Храм Забытых»	34
Эпизод 4. «Князь болотников»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Бажаник. Наследница пепельной зари. Часть 1.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: «МОСТМЕЖДУ ПЕПЛОМ И ВОДОЙ»

ГЛАВА 1: «ПЕПЕЛ НАПАЛЬЦАХ»

Эпизод 1. «Пергамент»

Санкт-Петербург умирал каждую осень, и Мира любила его именно таким: медленно угасающим, засыпающим под бесконечным дождём, закутанным в серый туман, как в старый плед. Город терял краски постепенно, день за днём, пока не становился почти монохромным, и в этой монохромности было что-то честное, что-то настоящее, что-то, чего не было в ярком летнем блеске.

Она сидела в своей мастерской на последнем этаже старого дома на Петроградской стороне, где окна выходили во двор-колодец, и дождь стучал по стеклу ровно, ритмично, как метроном, отсчитывающий время. Мастерская была ма-

ленькой, тесной, заваленной книгами, рукописями, инструментами и коробками с материалами для реставрации, и Мира чувствовала себя в этом хаосе уютнее, чем в любой стерильной квартире.

Запах старой бумаги, кожаных переплётгов, клея на основе пшеничного крахмала и слабый аромат лаванды, который она добавляла в воду для увлажнения пергамента, создавали особую атмосферу, в которой время текло иначе. Здесь, среди этих предметов, каждый из которых хранил память о прошлом, Мира могла дышать полной грудью, не притворяясь, не играя роли, не пытаясь быть кем-то другим.

Пергамент под её пальцами был очень старым, возможно, старше, чем она могла себе представить. Это была не бумага, а кожа, тонкая, сухая, пожелтевшая от времени, покрытая мельчайшими трещинками, которые образовывали сеть, похожую на морщины на лице древнего старика. Мира чувствовала возраст этого материала каждой клеткой своего тела, каждой косточкой пальцев, каждой частицей кожи.

Она работала медленно, осторожно, терпеливо, как учила её бабушка. Скальпель в её руке был тонким, как игла, и она использовала его для удаления мельчайших загрязнений с поверхности пергамента. Кисть была мягкой, как дыхание, и Мира смахивала ею пыль с трепетом, словно касалась чего-то живого, чего-то, что могло проснуться в любой момент.

Дождь за окном усилился, и его стук стал громче, настой-

чивее, словно напоминая о том, что мир снаружи продолжает существовать, несмотря на то, что Мира давно перестала замечать время. Она склонилась над верстаком уже третий час, не разгибаясь, не отвлекаясь, не позволяя себе даже короткой паузы, потому что знала: если остановится, то придётся думать, а думать ей сейчас не хотелось.

Бабушка умерла две недели назад, и Мира ещё не плакала. Она не плакала на похоронах, стоя у простого деревянного гроба, глядя на восковое лицо, которое уже не было лицом бабушки, а было лишь оболочкой, пустой оболочкой, лишённой тепла и света. Она не плакала, когда опускали гроб в землю, и комья мокрой осенней земли стучали по крышке, и она не плакала, когда возвращалась домой одна, с пустыми руками и пустым сердцем.

Вместо слёз она ушла в работу, в мастерскую, в книги, в рукописи, в пергамент и чернила, в пыль и запахи, в то единственное место, где могла спрятаться от мира и от себя. Она работала с утра до ночи, брала заказы, реставрировала, чинила, восстанавливала, возвращала к жизни то, что другие считали мёртвым, и в этом была своя горькая ирония, которую Мира предпочитала не замечать.

Рукопись попала к ней странным образом. Три дня назад в дверь мастерской постучали, и на пороге стоял курьер, молодой человек в серой куртке, с деревянным ящиком в руках. Он не представился, не объяснил, откуда ящик, не назвал отправителя, просто передал его Мире, попросил рас-

писаться в какой-то бумаге и ушёл, растворившись в дожде, как будто его никогда и не было.

Ящик был старым, из тёмного дерева, с металлическими уголками, покрытыми патиной, и Мира сразу поняла, что внутри что-то хрупкое, ценное, требующее осторожного обращения. Она открыла крышку медленно, затаив дыхание, и увидела пергамент, завёрнутый в тёмную ткань, и маленькую записку, сложенную вчетверо и приколотую к внутренней стороне крышки.

Почерк она узнала сразу, с первого взгляда, с первого изгиба букв, и сердце её пропустило удар, а потом забилось быстрее, тяжелее, больнее. Это был бабушкин почерк, тот самый, которым бабушка подписывала открытки на праздники, писала рецепты на клочках бумаги и оставляла записки на кухне, когда уходила рано утром.

«Разберись, что это. Больше никому.»

Мира перечитала записку раз, другой, третий, потом ещё и ещё, пока слова не потеряли смысл, превратившись в набор символов, в узор, в заклинание. Бабушка умерла две недели назад, не могла оставить записку, не могла знать, что рукопись попадёт к Мире, не могла ничего предвидеть. Но записка была, и почерк был её, и это не поддавалось никакому рациональному объяснению.

Мира не верила в чудеса, не верила в знаки судьбы, не верила в то, что нельзя потрогать, проверить, объяснить. Она верила в факты, в науку, в то, что мир устроен логично, и

если что-то кажется необъяснимым, значит, просто недостаточно информации. Но этой записке не было объяснения, и от этого становилось страшно, по-настоящему страшно, так, как не было страшно даже на похоронах.

Она отложила записку в сторону, взяла скальпель и снова склонилась над рукописью, заставляя себя сосредоточиться на работе, на деле, на том, что можно контролировать. Текст на пергаменте не поддавался расшифровке: символы были странными, не похожими ни на латынь, ни на греческий, ни на церковнославянский, ни на что-либо, что Мира видела раньше.

Это было что-то среднее между глаголицей и рунами, с вкраплениями неизвестных знаков, которые не встречались ни в одном из известных ей алфавитов. Она сфотографировала несколько строк, прогнала через программы распознавания, но получила ноль: ни один алгоритм не нашёл совпадений, ни одна база данных не содержала этих символов, ни один лингвист, а Мира написала пятерым, не смог помочь.

«Это не язык, ответил последний, профессор из Москвы, специалист по древнеславянским письменностям. Или язык, которого больше нет. Мёртвый. Забытый. Ушедший. Возможно, никогда не существовавший.»

Мира смотрела на символы, вглядываясь в каждую линию, в каждый изгиб, в каждую точку, и чувствовала, как что-то внутри неё отзывается на эти знаки, как будто они были знакомы ей, как будто она видела их раньше, но забыла.

Это было странное ощущение, иррациональное, пугающее, и Мира пыталась отогнать его, убедить себя, что это просто усталость, что это игра воображения, что это последствия стресса.

К вечеру дождь усилился ещё больше, и ветер бил в окна с такой силой, что стёкла дрожали. Фонарь у подъезда мигал жёлтым, тусклым, усталым светом, и этот свет проникал в мастерскую, смешиваясь со светом настольной лампы, которую Мира зажгла на верстаке. Лампа была латунной, тёплой, старой, ещё бабушкиной, и её свет ложился на пергамент мягко, бережно, как прикосновение любящей руки.

Мира взяла лупу, тяжёлую, латунную, тёплую, и склонилась над рукописью, вглядываясь в правый нижний угол листа, где символы сгущались в сложный узор. И там, среди переплетения линий и знаков, она увидела что-то новое, что-то, что не заметила раньше: рисунок, едва заметный, почти стёртый временем, но безошибочно узнаваемый.

Это была женщина с двумя лицами. Одно лицо смотрело вверх, к небу, и было молодым, красивым, с ясными глазами и лёгкой улыбкой. Другое лицо смотрело вниз, к воде, и было старым, морщинистым, с закрытыми веками и печатью глубокой печали. Женщина стояла на границе между небом и водой, между светом и тьмой, между жизнью и смертью, и казалось, что она существует в двух мирах одновременно.

Мира коснулась рисунка пальцем, провела по линиям, чувствуя подушечками пальцев едва заметные бороздки,

оставленные резцом или пером. Пергамент был холодным, не просто холодным, а ледяным, как будто его только что вынули из погреба, как будто он никогда не знал тепла, как будто он ждал этого прикосновения триста лет, а может, и больше.

Мира отдёргнула руку, и в то же мгновение почувствовала, что дыхание стало паром, а свет мигнул, раз, другой, третий. Это была не лампа за окном, не фонарь у подъезда, это была лампа на верстаке, бабушкина лампа, которая вдруг начала мигать, как будто что-то мешало ей гореть, как будто что-то пыталось погасить её.

Мира потянулась к выключателю, чтобы проверить, всё ли в порядке с проводкой, но не успела. Пергамент вспыхнул, не сгорел, а именно вспыхнул, и по его поверхности побежали тонкие линии огня, складываясь в знакомые символы, те самые, которые она не могла расшифровать. Теперь они горели изнутри ярко, бело, ослепительно, и Мира поняла их, не перевела, а просто поняла, всем телом, всем нутром, как будто кто-то вложил знание прямо в кости.

«Дитя двух кровей. Пепел и вода. Заря придёт или не придёт никогда.»

Свет погас, и мастерская погрузилась в темноту, абсолютную, полную, глухую. Мира стояла, не дыша, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как кровь стучит в висках, как время останавливается, замирает, перестаёт существовать. Тишина была абсолютной, даже дождь за окном стих,

даже ветер замер, даже город перестал дышать.

А потом она услышала голос. Не бабушкин, чужой, низкий, женский, с хрипотцой, как у человека, который долго молчал, который забыл, как звучит его собственный голос, который ждал так долго, что разучился говорить.

«Ты опоздала, внучка. На две недели. Но оберег всё ещё ждёт.»

Мира обернулась, резко, всем телом, но в мастерской никого не было. Только тени, только книги, только инструменты, только пергамент на верстаке, который больше не светился, но и не был прежним. На том месте, где лежал обломок обсидиана, который Мира использовала как грузик для бумаги, теперь лежало что-то другое, что-то, чего там не было раньше.

Камень исчез, а вместо него лежал оберег, круглый, размером с ладонь, из чёрного камня с янтарной прожилкой, проходящей точно по центру. Обсидиан и янтарь, пепел и вода, тьма и свет, соединённые в одно целое, в один предмет, в одну судьбу. Мира протянула руку медленно, как будто во сне, как будто боясь, что видение исчезнет, если она пошевелится слишком быстро.

Пальцы коснулись гладкой поверхности оберега, и янтарная прожилка вспыхнула изнутри, и по мастерской разлился запах дыма и болотной тины, запах чего-то древнего, забытого, ушедшего. Мир наклонился, задрожал, поплыл, и стены мастерской стали прозрачными, как стекло, как вода, как

воздух.

Мира видела сквозь них серый питерский двор, мокрые машины, соседа с собакой, и всё это рассыпалось, как старая плёнка, которую слишком долго держали на свету. А за рассыпающимся миром открывалось другое: бескрайнее болото под низким багровым небом, костры на берегу, тени, танцующие вокруг огня, и голос, тот же самый, женский, хриплый, древний.

«Иди. Тебя ждут. И помни: то, что ты считала сказками, это твоя кровь.»

Мира хотела закричать, хотела отшатнуться, хотела проснуться, но оберег в её руке стал горячим, почти обжигающим, и янтарная прожилка вспыхнула так ярко, что свет заполнил всё: мастерскую, дом, улицу, мир. А потом погас.

Мира открыла глаза.

Она лежала на чём-то твёрдом, на камне, холодном, влажном, покрытом мхом. Над головой было небо, не серое питерское, а багрово-фиолетовое, как на старинных иконах, изображающих конец света. В воздухе пахло дымом, болотом и чем-то ещё, железом, кровью, чем-то древним и страшным.

Мира села, руки дрожали, ноги не слушались, голова кружилась. Оберег всё ещё был в её ладони, но теперь он казался тяжелее, как будто впитал что-то, как будто стал частью её, как будто жил в ней. Янтарная прожилка тускло мерцала, как уголёк под пеплом, как искра, которая вот-вот погаснет,

но не гаснет, потому что есть ещё сила, есть ещё жизнь, есть ещё надежда.

Вокруг неё был храм. Нет, не храм, а руины храма: каменные стены, наполовину обрушенные, колонны, увитые чёрным плющом, алтарь в центре, покрытый трещинами. Сквозь дыру в крыше виднелось то самое багровое небо, по которому медленно плыли пепельные облака, тяжёлые, густые, как дым от огромного пожара.

Мира слышала звуки. Далеко, очень далеко, кто-то пел. Женские голоса, низкие и протяжные, как плач, как молитва, как заклинание. И ещё что-то: шаги. Много шагов. Приближающихся. Тяжёлых. Уверенных. Опасных.

Она попыталась встать, но ноги не слушались, колени подкосились, и она упала на камень, ободрав ладони. Кровь, алая, настоящая, выступила на коже, и Мира смотрела на неё, как на чудо, как на доказательство того, что всё это реально, что она не спит, что она здесь, в этом странном, страшном, чужом мире.

«Вставай, сказал голос в её голове, тот же самый, женский, хриплый, древний. Они не будут ждать. И не будут добры.»

Кто ты, прошептала Мира, но голос не ответил, только эхо её собственного шёпота прокатилось по руинам и затихло. Шаги стали громче, тени в проёме разрушенной стены зашевелились, и Мира поняла, что времени больше нет, что нужно вставать, что нужно действовать, что нужно жить.

Она встала. Медленно, шатаясь, опираясь на обломок ко-

лонны, но встала. И в этот момент из темноты вышли они. Пятеро. Высокие, широкоплечие, в доспехах из тёмной кожи и металла, с лицами, скрытыми под капюшонами. В руках копья с наконечниками, светящимися тусклым зелёным, и Мира поняла, что это магия, настоящая магия, не выдумка, не сказка, не игра воображения.

Впереди шёл он. Мира не сразу поняла, что он их предводитель, потому что он не был выше остальных, не был шире в плечах, но что-то в нём, в том, как он двигался, как держал голову, как смотрел, заставляло воздух вокруг него дрожать, как будто реальность не выдерживала его присутствия.

Капюшон он не носил, и Мира увидела его лицо: молодое, резкое, с высокими скулами и тёмными глазами, в которых не было ни тепла, ни любопытства, только холод, ледяной, абсолютный, как зимнее болото, как смерть, как вечность. Он остановился в трёх шагах от Миры, посмотрел на неё, потом на оберег в её руке, и произнёс низким, ровным голосом, без единой эмоции.

Ты. Откуда у тебя это?

Мира сглотнула, горло пересохло, слова застряли где-то в груди. Она хотела сказать правду: что не знает, что это ошибка, что она просто реставратор из Питера, что она не должна быть здесь. Но вместо этого сказала другое, то, что шло откуда-то из глубины, из крови, из памяти, из того места, где жила сила, о которой она ничего не знала.

Я не знаю. Он сам меня выбрал.

Мужчина прищурился, и что-то мелькнуло в его глазах, не удивление, а узнавание, как будто он ждал этих слов, как будто он знал, что она их скажет, как будто он видел её раньше, в другом времени, в другой жизни, в другом мире.

Сам выбрал, повторил он, и голос его дрогнул, едва-едва, почти незаметно. Значит, ты та, кого мы ждали.

Он сделал шаг вперёд, и его люди напряглись, копья блеснули в багровом свете. Один из них, тот, что стоял ближе всех, сказал тихо, но отчётливо, так, что Мира услышала каждое слово.

Князь, она может быть лазутчицей. Пепельные не спят. Они знают о пророчестве.

Мужчина, князь, не обернулся, не отвёл взгляда от Миры, и в этом взгляде было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, что-то, что не было ни страхом, ни надеждой, а чем-то третьим, чему она не знала названия.

Пепельные не смогли бы подделать оберег, сказал он. Это кровь предков. Она настоящая.

Он протянул руку, и Мира увидела его ладонь: мозолистую, покрытую тонкими белыми шрамами, ладонь воина, ладонь убийцы, ладонь человека, который знает, что такое боль и что такое смерть. Он ждал, и в этом ожидании было что-то, что заставило Миру понять: он не привык ждать, он не любит ждать, но он будет ждать, потому что что-то в ней, в её обереге, в её словах заставило его поверить, что она стоит ожидания.

Отдай мне оберег. Добровольно.

Мира сжала камень крепче, и янтарная прожилка вспыхнула ярче, чем раньше, и она почувствовала, как сила поднимается из глубины её существа, тёплая и пугающая одновременно, как будто что-то просыпалось, что-то, что спало долго, очень долго, и теперь открывало глаза.

Нет, сказала она.

Князь моргнул, и впервые на его лице появилась эмоция: удивление, быстрое, как вспышка, но настоящее, живое, человеческое. Он не ожидал отказа, не ожидал, что эта женщина, растрёпанная, испуганная, в мокрой городской одежде, сможет сказать ему нет.

Нет, переспросил он, как будто не поверил своим ушам.

Нет, повторила Мира, и голос её дрожал, но она не отступала, не сдавалась, не падала на колени. Вы не представились. Вы не объяснили, где я. Вы не сказали, кто вы такой. И вы не командуете мной.

Тишина повисла в воздухе, густая, тяжёлая, как болотный туман. Потом князь сделал то, чего Мира не ожидала: он улыбнулся, едва заметно, уголком губ, холодно, но всё же улыбнулся, и в этой улыбке было что-то, что заставило её сердце пропустить удар.

Значит, ты не просто наследница, сказал он. Ты ещё и упрямая. Это интересно.

Он опустил руку, и напряжение, висевшее в воздухе, немного ослабло. Мира почувствовала, как дрожь в коленях

становится сильнее, как усталость наваливается на плечи, как страх, который она сдерживала, подступает к горлу, но она стояла, стояла, потому что знала: если упадёт сейчас, то не встанет.

Меня зовут Вельмир, князь болотников, сказал он. Ты находишься на границе моих земель, в храме Забытых. И да, он кивнул на оберег, я командую здесь. Но не тобой. Пока.

Он обернулся к своим людям, и в его голосе снова зазвучала сталь, холодная, беспощадная, привычная.

Уходим. Она идёт с нами.

Я никуда не иду, сказала Мира, и сама удивилась, откуда в ней столько смелости, столько упрямства, столько жизни. Вельмир посмотрел на неё через плечо, и взгляд его был ледяным, но в этом льду было что-то ещё, что-то, что Мира не могла разгадать.

Идёшь, сказал он. Потому что, если ты останешься здесь, через час тебя найдут пепельные. И тогда, он сделал паузу, и в этой паузе было больше угрозы, чем в любых словах, ты пожалеешь, что не пошла со мной.

Он шагнул в темноту, и его люди последовали за ним, бесшумные, как тени, как призраки, как смерть. Мира стояла одна в разрушенном храме, прижимая к груди оберег, чувствуя, как багровое небо давит на плечи, как болото шепчет её имя, как чужая кровь просыпается в её венах.

И она сделала единственное, что оставалось. Пошла следом.

Эпизод 2. «Голос в темноте»

Болото дышало под ногами Миры, и это дыхание было живым, тёплым, влажным, оно поднималось откуда-то из глубины, из-под чёрной воды и торфа, и окутывало её со всех сторон, как чужие объятия. Она шла следом за Вельмиром, стараясь ступать точно в его следы, но получалось плохо, потому что темнота сгущалась с каждым шагом, а тропа петляла между кочками и корягами, и Мира дважды провалилась по колено в холодную жижу, которая тут же набралась в кроссовки, отяжелила джинсы, заставила дрожать всё тело.

Вельмир не оборачивался, не замедлял шаг, не проверял, идёт ли она за ним, и это молчаливое безразличие задевало Миру сильнее, чем любые слова. Его люди, четверо воинов в тёмных доспехах, двигались по бокам, бесшумные и невидимые в сгущающихся сумерках, и только блеск зелёных наконечников их копий напоминал о том, что они здесь, рядом, что они следят за каждым её движением.

Мира обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод шёл не от мокрой одежды, не от промозглого воздуха, а откуда-то изнутри, из глубины костей, из той пустоты, которая образовалась в груди после бабушкиной смерти и которую она пыталась заполнить работой, книгами, пергаментом, но не могла. Теперь эта пустота просыпалась, шевелилась, тянулась к чему-то, и Мира чувствовала, как в ней растёт что-

то чужое, незнакомое, пугающее.

Оберег на её груди, тёплый, почти горячий, пульсировал медленно, ровно, в такт её сердцу, как будто был её частью, как будто жил в ней, как будто знал что-то, чего не знала она. Мира сжимала его в кармане куртки, и янтарная прожилка мерцала сквозь ткань, отбрасывая слабые отблески на её пальцы, и в этих отблесках было что-то успокаивающее, что-то, что говорило: ты не одна, ты не потеряна, ты нужна.

Голос, тот самый, женский, хриплый, древний, молчал с того момента, как она вышла из храма, но Мира чувствовала его присутствие, как чувствуют присутствие человека в тёмной комнате, даже если он не произносит ни слова. Он был там, в глубине её сознания, в крови, в памяти, в том месте, которое она раньше считала своим, но которое теперь казалось чужим, занятым кем-то другим.

Тропа вывела их к длинному деревянному мосту, перекинутому через чёрную воду, и Мира остановилась на мгновение, глядя на гнилые доски, на покосившиеся перила, на тёмную гладь внизу, в которой отражалось багровое небо и пепельные облака. Вельмир прошёл вперёд, не оборачиваясь, и его шаги гулко отдавались на досках, и этот звук был единственным звуком в оглушающей тишине болота.

Мира шагнула на мост, и доски застонали под её весом, закрипели, зашатались, и она вцепилась в перила, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Один из воинов, тот самый молодой, со шрамом через бровь, который оборачивался раньше,

подошёл ближе, протянул руку, и Мира ухватилась за неё, как за спасательный круг, чувствуя под пальцами жар его кожи, силу его мышц, уверенность его движения.

Спасибо, буркнула она, и голос её прозвучал хрипло, непривычно, как будто она давно не говорила.

Он кивнул, коротко, без улыбки, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на любопытство, на интерес, на желание понять, кто она такая и почему князь не убил её на месте. Мира отвела взгляд, потому что не хотела, чтобы кто-то видел её страх, её растерянность, её слабость, и пошла дальше, стараясь не смотреть вниз, не думать о чёрной воде, не представлять, что там, в глубине, под слоем ряски и тины.

Мост закончился, и они снова ступили на твёрдую землю, если можно было назвать твёрдой эту зыбкую почву, которая чавкала под ногами и норовила уйти из-под ступней. Мира шла, стиснув зубы, не позволяя себе жаловаться, не позволяя себе остановиться, потому что знала: если остановится, то не сможет заставить себя идти дальше.

Яромир, сказал молодой воин, поравнявшись с ней, и Мира вздрогнула от неожиданности, потому что не ожидала, что он заговорит.

Что? переспросила она, не понимая.

Меня зовут Яромир, сказал он, и в его голосе была странная смесь осторожности и открытости. Князь не представится. Он вообще редко говорит. Но ты не бойся. Он не убьёт.

Утешил, сказала Мира, и в её голосе прозвучала горечь,

которую она не смогла скрыть.

Яромир улыбнулся, едва-едва, уголком губ, как будто улыбка была для него непривычным делом, как будто он забыл, как это делается. Мира вдруг поняла, что он моложе, чем казался, может, её ровесник, может, младше, и что шрам на его брови, старый, заживший, но глубокий, был свидетельством чего-то, что он пережил, чего-то, что оставило след не только на коже, но и в душе.

Он справедливый, сказал Яромир, и в его голосе была уверенность, которая не требовала доказательств. Это важнее.

Мира хотела спросить, что значит справедливый в мире, где людей называют болотниками и пепельными, где небо цвета крови, а в храмах живут голоса, но не успела, потому что Вельмир остановился впереди и бросил через плечо одно слово, короткое, как приказ.

Привал.

Они развели костёр на небольшом островке, сухом, поросшем жёсткой травой, которая была серой, как всё здесь, но под ней угадывалась жизнь: корни, семена, что-то, что ждало своего часа. Один из воинов, молчаливый, с седой бородой, достал из сумки лепёшки и вяленое мясо, и Мира поняла, что не ела с утра, что голод ударил внезапно, как обухом, как будто тело вспомнило о себе только сейчас, когда появилась возможность.

Она села у огня, обхватила колени руками, и пламя потянулось к ней, изогнулось, как будто узнавало, как будто хоте-

ло коснуться, родное, тёплое. Мира отшатнулась, и Яромир, севший рядом, тихо сказал, что огонь её не тронет, потому что она пепельная по крови, и в этих словах было столько уверенности, что Мира почти поверила.

Я никто, сказала она, и голос её дрогнул. Я реставратор. Я книги чиню. Я не...

Она замолчала, потому что Вельмир, который всё это время стоял в стороне, глядя на болото, повернулся и посмотрел на неё. Прямо. Впервые по-настоящему. Не мимо, не сквозь, а в глаза, и в этом взгляде было что-то, что заставило Миру замолчать, заставило забыть слова, заставило сердце биться быстрее, наполнило теплом и светом.

Ты не знаешь, кто ты, сказал он, и это был не вопрос, а утверждение, холодное и точное, как удар клинка.

Нет, призналась Мира. Не знаю.

Он подошёл, медленно, как хищник, который не торопится, потому что знает, что добыча никуда не денется. Остановился в двух шагах, глядя сверху вниз, и огонь бросал на его лицо оранжевые отсветы, и в этих отсветах он казался старше, устале, чем был на самом деле. Мира видела шрам, тонкий, белый, который тянулся от виска к подбородку, видела морщины у глаз, не от смеха, а от боли, от того, что он видел слишком много и не мог забыть.

Оберег, сказал он. Покажи.

Мира вытащила камень из кармана, и янтарная прожилка тускло мерцала, как засыпающий уголь. Он пульсировал

медленно, ровно, в такт её сердцу, как будто был её частью, как будто жил в ней, как будто ждал чего-то. Вельмир не взял его, только смотрел, внимательно, изучающе, и в его глазах было что-то, что Мира не могла назвать.

Этот берег принадлежал первой жрице, сказал он, и голос его был ровным, но в нём слышалась тяжесть, как будто каждое слово давило на него. Той, что разделила народы. Тысячу лет назад она ушла в Пепел и не вернулась. С тех пор берег считался утерянным. Пепельные ищут его. Мы ищем его. Все ищут.

И что он делает? спросила Мира, и голос её прозвучал тихо, почти шёпотом.

Соединяет, сказал Вельмир, и в этом слове было столько значения, столько смысла, столько судьбы, что Мира почувствовала, как что-то внутри неё сжимается, как будто готовясь к удару.

Он поднял глаза, и его взгляд был тёмным, как болотная вода, как ночь, как смерть, и в этом взгляде Мира увидела что-то, что заставило её похолодеть.

Пепел и воду. Огонь и землю. Жизнь и смерть. Ты мост, Мирослава. Или оружие. Зависит от того, кто первым до тебя доберётся.

Мира сглотнула, горло пересохло, и в груди росло что-то страшное, неизбежное, что-то, что она не могла контролировать. Она хотела спросить, хочет ли он сделать её оружием, но слова застряли, и она просто смотрела на него, ждала,

боялась.

Вельмир молчал, и огонь трещал, и где-то в глубине болота ухнула птица, низко, страшно, как стон, как будто болото отвечало за него, как будто оно знало ответ, но не хотело говорить.

Я хочу спасти свой народ, сказал он наконец, и в его голосе была усталость, которую он не прятал, которую не мог спрятать. Всё остальное не важно.

Он отвернулся и пошёл обратно к краю островка, и Мира смотрела на его спину, прямую, как клинок, и чувствовала, как что-то в ней меняется, как что-то растёт, как что-то просыпается. Яромир тихо выдохнул рядом с ней, и в этом выдохе было облегчение, которое он не смог скрыть.

Это был почти комплимент, сказал он, и в его голосе была улыбка, которую Мира не видела, но чувствовала.

Мира посмотрела на оберег в своей руке, и янтарная прожилка пульсировала медленно, в такт её сердцу, как будто камень знал что-то, чего не знала она, как будто он ждал чего-то, чего она не могла понять.

«Он не лжёт, прошептал голос в её голове, тот самый, женский, хриплый, древний. Но и не говорит всей правды. Будь осторожна, внучка.»

Мира сжала камень, чувствуя его тепло, его жизнь, его силу, и прошептала в ответ, тихо, так, чтобы никто не услышал, чтобы никто не понял.

Я всегда осторожна.

Голос в её голове усмехнулся, тихо, тепло, как бабушка, и Мира почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, которые она не могла, не хотела, не имела права проливать. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула, и когда открыла их снова, то увидела, что Вельмир стоит на краю островка, спиной к ней, и что его плечи напряжены, как будто он слышал её слова, как будто он знал что-то, чего не знала она.

После привала они пошли дальше, и болото менялось, медленно, почти незаметно, но Мира чувствовала эти перемены каждой клеткой своего тела. Кочки становились выше, трава жёстче, вода темнее, туман поднимался от земли густой, тяжёлый, и в этом тумане звуки гасли, шаги, дыхание, голоса, как будто мир затаился, как будто ждал чего-то.

Мира чувствовала, как тишина давит на плечи, не мёртвая, а живая, наблюдающая, как будто болото слушало, как будто ждало, как будто проверяло, достойна ли она идти дальше. Яромир поравнялся с ней, и в его голосе была осторожность, когда он заговорил.

Здесь нельзя говорить, сказал он тихо, почти шёпотом. Тропа молчания. Духи не любят шума. Если разбудить, плохо будет.

Насколько плохо? спросила Мира, и голос её тоже стал шёпотом.

Увидишь, сказал Яромир, и в этом слове было столько, что Мира не стала спрашивать.

Она просто пошла тише, дышала глубже, смотрела под но-

ги, и чувствовала, как что-то меняется внутри неё, медленно, как будто болото не просто пропускало её, а принимало, признавало, запоминало. Как будто она была здесь раньше, как будто её кровь помнила эту землю, как будто она возвращалась домой после долгого отсутствия.

Туман сгущался, фигуры воинов стали тёмными, размытыми, как призраки, а Вельмир впереди был едва различим, только силуэт, только тень, только холод. Но Мира чувствовала, что он тоже слушает, тоже ждёт, тоже боится, не за себя, а за неё, как будто она была чем-то важным, чем-то, что нельзя потерять.

Она шла, шаг за шагом, дыхание за дыханием, и чувствовала, как что-то просыпается в ней, медленно, как уголёк под пеплом, как искра, как жизнь. Оберег на груди был тёплым, ровным, и Мира знала, что это только начало, что впереди что-то большее, что-то, к чему она не готова, но что должно случиться.

Голос в её голове молчал, но Мира чувствовала его присутствие, как чувствуют присутствие человека в тёмной комнате, и знала, что он вернётся, что он скажет что-то важное, что он откроет ей что-то, что изменит всё. Но пока она просто шла, просто дышала, просто жила, и этого было достаточно.

К вечеру они вышли к деревне, и Мира увидела её издалека: низкие дома на сваях, кривые, вросшие в болото, с крышами из тростника, покрытыми зелёным мхом. Между ними

вились мостки, узкие, скользкие, перекинутые через чёрную воду, и пахло дымом, рыбой и сыростью, и где-то плакал ребёнок, и где-то лаяла собака, хрипло, надрывно, как будто деревня была не просто местом, а существом, которое жило своей собственной жизнью.

Костный Брод, сказал Яромир, и в его голосе была гордость, которую он не пытался скрыть. Наш дом.

Мира остановилась, посмотрела, и почувствовала, как что-то в груди сжимается, тяжело, больно, как будто она знала этих людей, как будто они были её частью, как будто она должна была их спасти. Она не понимала, откуда это чувство, но оно было, и оно было сильным, и оно не отпускало.

Вельмир стоял рядом, смотрел на деревню, молчал, и в его глазах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже боли, глубже усталости, глубже всего. И Мира поняла, что этот холодный, жестокий, беспощадный князь любит этих людей, что он готов умереть за них, что он уже умирает за них, каждый день, каждый час, каждую минуту.

Что с ними? прошептала Мира, и голос её дрожал.

Пепельная хворь, сказал Вельмир, и в его голосе не было эмоций, только факт, только правда, только боль. Проклятие. Пришло с востока три года назад. Сначала просто серые пятна. Потом кожа начинает отслаиваться. Медленно. Как будто тело сгорает изнутри. Лекарства нет. Магия не берёт. Мы можем только замедлить.

И сколько они живут? спросила Мира, и голос её был ти-

хим, почти неслышным.

Вельмир молчал, и это молчание было страшнее любых слов. Год, сказал он наконец. Два. Кто как.

Мира смотрела на деревню, на людей, на детей, на серые лица, и чувствовала, как что-то в груди сжимается, тяжело, больно, как будто она знала этих людей, как будто они были её частью, как будто она должна была их спасти.

Я хочу помочь, сказала она, и голос её был твёрдым, несмотря на дрожь. Не знаю как. Но хочу.

Вельмир посмотрел на неё, и в его тёмных глазах был лёд, но в этом льду была трещина, тонкая, едва заметная, как будто что-то дрогнуло, как будто что-то изменилось.

Помощь придёт, сказал он, и голос его был ровным. Когда дойдём до Сердца Топи. Там первый ключ. Ритуал. Он покажет, сможешь ли ты то, что должна.

А если не смогу? спросила Мира, и голос её дрогнул.

Он не ответил, только отвернулся, и в этом молчании было больше, чем в любых словах. Отдыхай, бросил он через плечо. На рассвете выходим.

Он ушёл, и Мира осталась стоять на мостках, чувствуя, как ветер треплет её волосы, мокрые, грязные, как где-то плачет ребёнок, как где-то лает собака, как мир, чужой и странный, становится её миром, хочет она того или нет.

Яромир подошёл, встал рядом, молча, и в его молчании была поддержка, которую Мира не ожидала, но в которой нуждалась.

Он всегда такой? спросила она, и голос её был усталым, почти безразличным.

Какой? переспросил Яромир.

Закрытый. Холодный. Как... начала Мира, но не закончила, потому что не могла найти слово.

Как лёд? Яромир усмехнулся, и в этой усмешке была горечь. Да. С тех пор, как сестра умерла. Он был другим. Раньше. Смеялся. Пела ему мать. Он танцевал на праздниках. А потом...

Он не договорил, и не нужно было, потому что Мира и так поняла, что за этим молчанием стоит боль, потеря, смерть, всё то, что делает людей холодными, закрытыми, жестокими.

Он хороший, сказал Яромир, и в его голосе была уверенность, которая не требовала доказательств. Просто забыл об этом.

Мира смотрела на спину Вельмира, удаляющегося, прямого, как клинок, и думала о том, что она тоже забыла, кто она, зачем она, что она, но, может, здесь, в этом странном мире, она вспомнит. Оберег в кармане вспыхнул, ярко, на одно мгновение, как будто соглашаясь, как будто обещая, как будто ждал.

Ей выделили угол в одном из домов, за занавеской, на тюфяке, набитом сухим мхом, и там было тепло, сухо, но сон не шёл. Мира лежала, глядя в потолок, и слушала, как болото дышит, как деревня спит, как где-то далеко на границе слышимости поёт вода, низко, протяжно, как колыбельная.

Оберег лежал на груди, и Мира не снимала его, не могла, потому что он был её связью с прошлым, с бабушкой, с домом, и без него она была бы совсем одна.

«Ты чувствуешь, прошептал голос в её голове, тот самый, женский, хриплый, древний. Воду. Она зовёт тебя.»

Кто ты? прошептала Мира в темноту, и голос её был тихим, почти неслышным. Скажи мне. Пожалуйста.

Пауза была долгой, и Мира уже думала, что голос не ответит, что он оставит её одну с вопросами, на которые нет ответов.

«Я та, кто была до тебя, сказал голос, и в нём была печаль, древняя, как мир. Та, кто оставила оберег. Та, кто ждала. Первая жрица. Ты моя кровь. Моя память. Моё продолжение.»

Ты умерла? спросила Мира, и голос её дрогнул.

«Ушла, сказал голос. В Пепел. Но не умерла. Пока ты жива, я жива.»

Мира закрыла глаза, и слёзы, неожиданные, горячие, потекли по щекам, и она не вытирала их, не могла, не хотела.

Я не хочу, прошептала она. Не хочу быть чьим-то продолжением. Я хочу быть собой.

«Ты и есть сама, сказал голос, и в нём была теплота, которую Мира не ожидала. Но ты больше, чем думаешь. Спи, Мирослава. Завтра первый ключ. Завтра ты узнаешь, кто ты на самом деле.»

Голос стих, и болото вздохнуло, и Мира закрыла глаза, и

впервые за всё время, что она была в этом мире, уснула.

Эпизод 3. «Храм Забытых»

Утро в Костном Броде началось с крика.

Мира проснулась мгновенно, всем телом, как будто кто-то выдернул её из сна грубо и безжалостно, и первое, что она почувствовала, было не тепло мха под спиной и не серый свет, просачивающийся сквозь щели в стенах, а ледяной холод берега на груди. Камень, который всю ночь был тёплым, почти горячим, теперь стал ледяным, как будто впитал в себя чью-то смерть, чью-то боль, чью-то последнюю надежду, которая угасла, не успев разгореться.

Она вскочила на ноги, не думая, не разбирая дороги, и выбежала из дома, и мостки закричали под её босыми ногами, и утренний туман, густой и влажный, ударил в лицо, как мокрая тряпка. На мостках уже собралась толпа, люди стояли молча, сжавшись, опустив головы, и в центре этого круга, на досках, покрытых утренней росой, лежала женщина.

Мира узнала её сразу, хотя видела только вчера, мельком, из окна дома, где ей выделили угол. Молодая женщина с ребёнком на руках, с лицом, наполовину покрытым серой коркой, которая трескалась и отслаивалась, как старая глиняная посуда, которую слишком долго держали в огне. Теперь она лежала неподвижно, и её лицо было полностью серым, и глаза были открыты, но не видели ничего, потому что жизнь уже ушла из них, тихо, незаметно, как вода уходит сквозь паль-

цы.

Ребёнок, мальчик лет трёх, сидел рядом на мостках, обхватив колени руками, и смотрел на мать широко раскрытыми глазами, в которых не было слёз, потому что он ещё не понимал, что произошло, потому что для него мама просто спала, просто устала, просто отдыхала после долгой ночи. Мира смотрела на него, и что-то в её груди сжималось, тяжело, больно, как будто кто-то сжал сердце в кулак и не отпускал.

Вельмир стоял на коленях перед мёртвой женщиной, и его лицо было каменным, неподвижным, как маска, но руки дрожали, едва-едва, почти незаметно, и Мира видела это, потому что стояла близко, потому что не могла не видеть. Он держал ребёнка на руках, мальчик цеплялся за его плащ, смотрел на мать, не понимал, не хотел понимать, и в этом непонимании было столько боли, что Мира почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, которых она не имела права проливать.

Князь поднялся медленно, тяжело, как будто каждый его позвонок был налит свинцом, и обернулся, и нашёл её взглядом в толпе, среди чужих, среди тех, кто не был ей никем, но кто уже стал частью её жизни. Он смотрел на неё, и в его глазах был лёд, но в этом льду была трещина, тонкая, едва заметная, и в этой трещине было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже боли, глубже усталости, глубже всего.

Вот поэтому, сказал он тихо, так, что слышала только она, одна она среди всех этих людей, вот поэтому я не могу не спасти их.

Мира смотрела на него, на ребёнка, на мёртвую женщину, на серые лица вокруг, на дома, вросшие в болото, на мостки, перекинутые через чёрную воду, и чувствовала, как что-то в ней меняется, как что-то ломается, как что-то рождается заново. Она не знала, что будет дальше, не знала, сможет ли помочь, не знала, вернётся ли когда-нибудь домой, в свою мастерскую, к своим книгам, к своей жизни, но она знала одно: она не уйдёт. Пока не закончит. Пока не поможет. Пока не узнает, кто она.

Оберег на груди нагрелся, снова, как будто соглашаясь, как будто обещая, как будто ждал этого решения, этой минуты, этого выбора.

«Добро пожаловать домой, внучка, прошептал голос в её голове, и в этом шёпоте была теплота, которую Мира не ожидала.»

Она сжала камень в кулаке, чувствуя его тепло, его жизнь, его силу, и шагнула вперёд, к Вельмиру, к ребёнку, к деревне, к своей новой жизни, к своей судьбе, к себе.

Идём, сказала она, и голос её был твёрдым, несмотря на дрожь, несмотря на страх, несмотря на всё. В Сердце Топи. Немедленно.

Вельмир кивнул, одно мгновение, короткое, как удар сердца, и в этом мгновении их взгляды встретились, и в этом

мгновении было всё: боль, решимость, страх и что-то ещё, что-то, чему Мира пока не знала названия, но что уже жило в ней, росло, крепло, ждало своего часа.

Идём, сказал он, и его голос был ровным, но в этом ровном голосе была буря, которую он сдерживал из последних сил.

Они вышли из деревни на рассвете, когда багровое небо только начинало светлеть, когда туман ещё держался над болотом, густой и влажный, когда мир казался застывшим между ночью и днём, между сном и явью, между жизнью и смертью. С ними шли Яромир и ещё трое воинов, молчаливых, суровых, привыкших к походам и битвам, и Мира чувствовала их присутствие за спиной, как чувствуют присутствие тени, которая не отстаёт.

Вельмир шёл впереди, не оборачиваясь, и его спина, прямая, как клинок, была единственным ориентиром в этом сером, мокром, чужом мире. Мира шла за ним, стараясь не отставать, стараясь не думать о холоде, который пробирал до костей, о голоде, который сворачивал желудок, об усталости, которая наваливалась на плечи тяжёлым грузом. Она шла, потому что знала: если остановится, то не сможет заставить себя идти дальше.

Болото менялось вокруг них, медленно, почти незаметно, но Мира чувствовала эти перемены кожей, кровью, дыханием. Кочки становились выше, трава жёстче, вода темнее, и в этой темноте было что-то, что жило в глубине, под слоем

воды и торфа, что-то древнее, терпеливое, ждущее.

Мира чувствовала это всем телом, всем нутром, как будто болото говорило с ней, как будто оно знало о ней больше, чем она сама, как будто оно ждало её дольше, чем она могла представить. Она пыталась отогнать это чувство, убедить себя, что это просто усталость, просто нервы, просто последствия стресса, но голос в её голове, тот самый, женский, хриплый, древний, молчал, и это молчание было красноречивее любых слов.

К полудню они вышли к первым кочкам, покрытым мхом, и Мира увидела, как мох светится, слабо, едва заметно, голубым, холодным, живым. Она остановилась, не веря своим глазам, и Вельмир, заметив её замешательство, тоже остановился, обернулся, посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то, похожее на понимание.

Это болотный свет, сказал он, и голос его был ровным, как будто он говорил о чём-то обыденном, о чём-то, что видел тысячу раз. Он показывает дорогу. Там, где свет, там тропа. Там, где тьма, там смерть.

Мира смотрела на светящийся мох, и в её груди росло что-то, что-то, что она не могла назвать, что-то, что было похоже на узнавание, на память, на возвращение. Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, и мох под её ногами вспыхнул ярче, как будто приветствуя её, как будто радуясь ей, как будто ждал её.

Вельмир смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что

Мира не могла прочитать, что-то, что было глубже удивления, глубже интереса, глубже всего. Он молчал, но это молчание было красноречивее любых слов, и Мира чувствовала, что он видит в ней что-то, чего не видит она сама.

Они пошли дальше, и мох светился под их ногами, как звёзды под водой, как память под болью, как жизнь под смертью. Мира чувствовала, как что-то просыпается в ней, медленно, как уголёк под пеплом, как искра, как жизнь, и она знала, что это только начало, что впереди что-то большее, что-то, к чему она не готова, но что должно случиться.

К вечеру они вышли к храму.

Не к тому, где Мира очнулась после перехода, а к другому, разрушенному, забытому, заросшему мхом и лианами, но всё ещё живому, всё ещё дышащему, всё ещё ждущему. Храм стоял на острове, в центре небольшого озера, и вода вокруг него была чёрной, гладкой, как стекло, как зеркало, как ночь.

Вельмир остановился на берегу, посмотрел на храм, и в его глазах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было похоже на страх, на надежду, на что-то среднее между ними.

Храм Забытых, сказал он, и голос его был тихим, почти шёпотом. Первый ключ. Здесь ты узнаешь, кто ты.

Мира смотрела на храм, на его разрушенные стены, на колонны, увитые чёрным плющом, на алтарь, видневшийся сквозь дыру в крыше, и чувствовала, как что-то в ней сжима-

ется, как что-то готовится, как что-то ждёт. Оберег на груди пульсировал быстро, взволнованно, как будто звал, как будто торопил, как будто ждал.

Она шагнула в воду, и вода расступилась перед ней, не холодная, не мокрая, а тёплая, живая, как будто узнала её, как будто признала, как будто ждала. Мира шла по воде, как по мосту, как по себе, как по жизни, и Вельмир шёл следом, и Яромир, и другие воины, и все они перешли на остров, и храм встретил их тишиной, густой, тяжёлой, но не мёртвой, а живой, наблюдающей, ждущей.

Внутри храма было темно, но темнота не пугала, не давила, не убивала. Она была мягкой, тёплой, как одеяло, как объятие, как память о доме. Мира шла по каменным плитам, чувствуя под ногами неровности, трещины, выбоины, и в этой неровности была история, была жизнь, была смерть.

В центре храма, на алтаре, покрытом трещинами и мхом, лежал кристалл. Голубой, прозрачный, светящийся изнутри мягким, тёплым светом, он пульсировал медленно, ровно, как сердце, как пульс, как жизнь. Мира остановилась перед ним, и в её груди что-то дрогнуло, что-то проснулось, что-то узнало этот кристалл, как узнают лицо друга после долгой разлуки.

Первый ключ, сказал Вельмир, стоя позади неё, и в его голосе была тяжесть, которую он не прятал. Кристалл памяти. Он покажет тебе всё, что было. Всё, что есть. Всё, что будет. Но он же и заберёт. Что-то. Что-то важное. Что-то, что ты

не сможешь вернуть.

Мира обернулась, посмотрела на него, и в её глазах был вопрос, который она не могла задать вслух.

Что? спросила она, и голос её дрогнул. Что он заберёт?

Вельмир молчал, долго, так долго, что Мира решила, что он не ответит. Но он ответил, и в его голосе была боль, которую он не прятал.

Страх, сказал он. Или память. Или силу. Или всё сразу. Кристалл берёт то, что ты ценишь больше всего. То, что делает тебя тобой. И взамен даёт знание. Понимание. Мост.

Мира смотрела на кристалл, на его мягкий свет, на его пульсацию, и чувствовала, как страх поднимается в груди, холодный, липкий, тяжёлый. Она боялась. Боялась потерять себя, потерять память о бабушке, потерять то, что делало её Мирой, реставратором из Питера, девочкой, которая чинила книги и любила дождь.

Но она также знала, что не может уйти. Не может бросить этих людей, эту деревню, этого ребёнка, который потерял мать. Не может оставить Вельмира одного, с его болью, с его холодом, с его надеждой.

Она сжала оберег в кулаке, чувствуя его тепло, его жизнь, его силу, и шагнула к алтарю.

Я готова, сказала она, и голос её был твёрдым, несмотря на страх, несмотря на дрожь, несмотря на всё.

Она протянула руку и коснулась кристалла.

Свет вспыхнул, яркий, белый, слепящий, и Мира упала в

него, как в воду, как в сон, как в память. Она увидела всё: рождение мира, когда пепел и вода были едины, когда люди и духи жили вместе, когда магия текла рекой. Она увидела первую жрицу, молодую, красивую, с двумя лицами, которые смотрели в небо и в воду. Она увидела её мужа, воина с пепельными волосами, и их дочь, маленькую, с янтарными глазами.

А потом она увидела войну.

Пепельные и болотники, братья и сёстры, огонь и вода, жрица пыталась остановить, но не смогла, потому что страха было слишком много, ненависти слишком много, боли слишком много. Она видела, как горит её дом, как умирает муж, как дочь тонет в болоте, потому что не умеет плавать, потому что в ней обе крови, и обе отравлены.

Мира почувствовала, как её собственное сердце разрывается от этой боли, чужой, но такой близкой, такой реальной, такой живой. Она хотела закричать, хотела убежать, хотела проснуться, но кристалл не отпускал, он держал её, он показывал ей всё, и она не могла закрыть глаза, не могла отвернуться, не могла не видеть.

А потом пришла тьма.

Не просто темнота, а тьма живая, голодная, терпеливая, которая жрала свет, жрала жизнь, жрала всё. Мира чувствовала её, как чувствуют холод, как чувствуют боль, как чувствуют смерть. И она поняла, что это хворь, пепельная хворь, которая пришла с востока, которая убивала людей в Костном

Броде, которая забрала мать того мальчика.

Она хотела бороться, хотела сопротивляться, хотела что-то сделать, но не знала как, не умела, не могла. И тогда голос, тот самый, женский, хриплый, древний, прошептал в её голове слова, которые она запомнила на всю жизнь.

«Отдай страх, внучка. Отдай его мне. И я дам тебе силу.»

Мира закрыла глаза, глубоко вдохнула, и отпустила. Страх ушёл, медленно, неохотно, но ушёл, и вместе с ним ушла часть боли, часть тяжести, часть того груза, который она несла всю жизнь, с самого детства, с самого первого воспоминания.

А потом пришла сила.

Не искры, не тепло, а огонь и вода, вместе, в ней, в её крови, в её сердце, в её душе. Мира почувствовала, как оберег вспыхнул ярко, до боли, и как знание полилось в неё, как говорить с духами, как чувствовать воду, как соединять, как быть мостом.

Она открыла глаза.

Она стояла у алтаря, и кристалл в её руке был не в камне, а в ней, в крови, в памяти, в сердце. Первый ключ был пройден. Она вышла из храма другая, и Вельмир стоял у входа, ждал, всегда ждал, и когда он увидел её, то выдохнул, глубоко, как будто не дышал всё это время.

Ты вышла, сказал он, и в его голосе было облегчение, которое он не смог скрыть.

Я вышла, сказала Мира, и голос её был ровным, спокой-

НЫМ, СИЛЬНЫМ.

Он шагнул к ней, схватил, прижал, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо.

Я боялся, прошептал он в её волосы. Я боялся, что потеряю.

Не потерял, сказала Мира. Я здесь.

Он отстранился, посмотрел на неё, и в его тёмных глазах были звёзды, и в этих звёздах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже любви, глубже страха, глубже всего.

Ты изменилась, сказал он. Ты светишься. Иначе. Сильнее.

Знаю, сказала Мира. Я приняла. Всё. Даже то, что боялась.

Вельмир смотрел на неё, молча, долго, а потом поцеловал.

Не медленно, не нежно, а жарко, как будто ждал тысячу лет, как будто боялся, что она исчезнет, как будто она была всем. Мира ответила, так же, жарко, и в этом поцелуе было всё: страх, надежда, боль, любовь, жизнь.

Горы молчали, ветер стих, оберег на груди вспыхнул, золото по коже, по венам, по костям.

Они стояли так долго, пока не стемнело, пока звёзды не вспыхнули, пока холод не пробрал до костей. Вельмир отстранился, посмотрел на неё, мягко, тепло.

Идём, сказал он. Третий ключ. Пепельный двор. Мать. Ритуал. Всё.

Идём, сказала Мира. Вместе.

Вместе, сказал он.

Они взялись за руки, пальцы горячие, шершавые, и пошли вниз, к третьему ключу, к финалу, к смерти, к жизни, к выбору.

Эпизод 4. «Князь болотников»

Обратный путь от храма Забытых оказался короче, чем Мира ожидала, и это было странно, потому что дорога та же, а ноги те же, и усталость та же, но что-то внутри неё изменилось, и от этого менялось всё вокруг. Болото больше не казалось враждебным, оно дышало ровно, спокойно, как будто признало её, как будто приняло в свои объятия и больше не хотело отпускать.

Вельмир шёл рядом, на полшага позади, и это было непривычно, потому что раньше он всегда шёл впереди, не оборачиваясь, не проверяя, идёт ли она. Теперь он смотрел на неё иначе, не как на обузу, не как на инструмент, а как на что-то важное, что-то, что нужно беречь, что-то, что нельзя потерять.

Мира чувствовала его взгляд на своей спине, на плечах, на затылке, и от этого взгляда по коже бежали мурашки, и сердце билось быстрее, и дыхание становилось глубже. Она не оборачивалась, не хотела, чтобы он видел её лицо, её растерянность, её смущение, которое она не могла скрыть.

Ты изменилась, сказал он наконец, и голос его был тихим, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько, что Мира вздрогнула.

Знаю, сказала она, не оборачиваясь. Ты уже говорил.

Тогда было не то, сказал он, и в его голосе была настой-

чивость, которую он не прятал. Тогда ты просто светила. Теперь ты держишь. Как мост.

Мира остановилась, обернулась, посмотрела на него, и в его тёмных глазах было что-то, что заставило её сердце сжаться. Она не знала, что ответить, не знала, что сказать, не знала, как выразить то, что чувствовала, потому что чувства были слишком новыми, слишком сильными, слишком живыми.

Ты знал, сказала она, и это был не вопрос, а утверждение. Ты знал, что кристалл заберёт мой страх.

Знал, сказал Вельмир, и в его голосе не было извинения, только правда. Знал, что он даст тебе силу. Но не знал, что ты выйдешь другим человеком. Не знал, что ты станешь мостом.

Мира смотрела на него, и в груди росло что-то, что-то, что она не могла назвать, что-то, что было похоже на гнев, на обиду, на что-то среднее между ними.

Ты не сказал, произнесла она, и голос её дрогнул. Ты мог предупредить.

Мог, сказал он, и в его голосе была усталость, которую он не прятал. Но тогда ты бы не вошла. Тогда ты бы испугалась. Тогда ты бы осталась той, кем была. А мне нужна была не та, кем ты была. Мне нужна была та, кем ты стала.

Мира смотрела на него, и гнев боролся в ней с пониманием, обида с благодарностью, страх с чем-то, что было сильнее страха. Она хотела закричать, хотела ударить, хотела уйти,

но не могла, потому что знала: он прав. Если бы он сказал ей, что кристалл заберёт страх, она бы не вошла. Она бы испугалась. Она бы осталась той, кем была.

Ты использовал меня, сказала она, и голос её был холодным, как болотная вода.

Да, сказал он, и в его голосе не было оправдания. Использовал. Как использую всех. Как использую себя. Потому что у меня нет выбора. Потому что мой народ умирает. Потому что я не могу позволить себе быть добрым.

Мира смотрела на него, и что-то в ней ломалось, что-то трескалось, что-то отпускало. Она видела его, настоящего, без маски, без холода, без брони, и в этом видении было столько боли, что она не могла не понять, не могла не принять, не могла не простить.

Я не прощу тебя, сказала она, и голос её был тихим, но твёрдым. Пока не прощу. Но я пойду с тобой. Потому что ты прав. Потому что твой народ умирает. Потому что я мост. И мост не выбирает, кого спасать.

Вельмир смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже удивления, глубже уважения, глубже всего. Он не ожидал этих слов, не ожидал этого решения, не ожидал, что она останется, несмотря на всё.

Ты странная, сказал он, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. Я не встречал таких, как ты.

И не встретишь, сказала Мира, и в её голосе была усмешка.

ка, которую она не могла скрыть. Я одна. Реставратор из Питера. Мост между пеплом и водой.

Вельмир улыбнулся, едва-едва, уголком губ, и в этой улыбке было что-то, что заставило сердце Миры биться быстрее, что-то, что было похоже на начало, на обещание, на что-то, что ещё не случилось, но должно случиться.

Они пошли дальше, и болото дышало вокруг них, и мох светился под ногами, и оберег на груди пульсировал ровно, спокойно, как будто знал, что всё идёт так, как должно идти. Яромир шёл позади, молчал, смотрел, и в его глазах было что-то, что Мира не могла прочесть, что-то, что было похоже на надежду.

К вечеру они вышли к деревне, и Костный Брод встретил их тишиной, не мёртвой, не пустой, а той, что бывает после бури, когда мир замирает на минуту, на час, чтобы выдохнуть, чтобы понять, чтобы жить. Люди выходили из домов, смотрели на Миру, и в их глазах было что-то новое, что-то, что она не видела раньше: надежда.

Она вернулась, сказал кто-то из толпы, и голос его дрожал.

Она прошла, сказал другой, и в его голосе было благоговение.

Она мост, сказал третий, и в его голосе была вера.

Мира остановилась, посмотрела на них, на эти лица, серые, потрескавшиеся, но живые, и почувствовала, как что-то в её груди растёт, большое, тёплое, живое. Она не знала, что сказать, не знала, как ответить, не знала, как выразить

то, что чувствовала, потому что чувства были слишком новыми, слишком сильными, слишком живыми.

Я вернулась, сказала она, и голос её был тихим, но все слышали. И я не уйду. Пока не помогу. Пока не спасу. Пока не стану мостом.

Тишина повисла в воздухе, густая, тяжёлая, как болотный туман. Потом мальчик, тот самый, который потерял мать, подбежал к ней, обнял за ногу, крепко, сильно, и Мира почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза, которых она не имела права проливать.

Ты пришла, сказал он, и голос его был тихим, но в этом тихом голосе было столько, что Мира не могла не ответить.

Я всегда прихожу, сказала она, и голос её дрогнул. Обещаю.

Не обещай, сказал мальчик, и в его голосе была серьёзность, которая не соответствовала его возрасту. Сделай.

Мира рассмеялась, сквозь слёзы, счастливые, и в этом смехе было что-то, что заставило людей вокруг улыбнуться, что-то, что заставило Вельмира смотреть на неё иначе, что-то, что заставило мир стать немного светлее.

Сделаю, сказала она. Всегда.

Вечером они сидели у костра, и Мира рассказывала о том, что видела в храме, о первой жрице, о войне, о хвори, о том, как кристалл забрал её страх и дал ей силу. Люди слушали, молчали, и в их глазах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже страха, глубже боли, глубже

всего.

Вельмир сидел рядом, близко, так, что их плечи соприкасались, и Мира чувствовала его тепло, его силу, его жизнь. Она не отстранялась, не могла, не хотела, потому что в этом тепле было что-то, что она искала всю жизнь, что-то, что она потеряла, когда умерла бабушка, что-то, что она нашла здесь, в этом странном, страшном, чужом мире.

Расскажи мне о себе, сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. О своём народе. О своей семье. О себе.

Вельмир молчал, долго, так долго, что Мира решила, что он не ответит. Но он ответил, и в его голосе была боль, которую он не прятал.

Мой отец был князем болотников, сказал он. Мой мать была верховной жрицей пепельных. Они встретились на границе, влюбились, сбежали. Год жили в пещере, скрываясь от всех. Потом родился я. Потом родилась Лада. Потом мать вернулась к своим. Потом отец умер. Потом Лада заболела. Потом я ушёл.

Мира слушала, и в её груди росло что-то, что-то, что было похоже на боль, на понимание, на что-то среднее между ними. Она видела его, настоящего, без маски, без холода, без брони, и в этом видении было столько боли, что она не могла не понять, не могла не принять, не могла не полюбить.

Ты не виноват, сказала она, и голос её был тихим, но твёрдым. Ты не мог спасти Ладу. Ты не мог спасти отца. Ты не мог остановить войну. Ты был ребёнком.

Вельмир посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже удивления, глубже благодарности, глубже всего.

Ты первая, сказал он, кто говорит мне это. Первая, кто не обвиняет. Первая, кто понимает.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что-то, что было похоже на любовь, на нежность, на что-то, что она не могла назвать, потому что не знала слов для этого.

Я понимаю, сказала она. Потому что я тоже потеряла. Бабушку. Дом. Себя. Но я нашла. Здесь. С тобой.

Вельмир смотрел на неё, молча, долго, а потом взял её за руку, и его пальцы были горячими, шершавыми, живыми. Мира не отстранилась, не могла, не хотела, потому что в этом прикосновении было что-то, что она искала всю жизнь.

Ты странная, сказал он, и в его голосе была теплота, которую он не прятал. Ты говоришь вещи, которых нет. Делаешь то, чего не бывает. Ты светишься, когда касаешься меня.

Это магия, сказала Мира, и в её голосе была усмешка, которую она не могла скрыть.

Нет, сказал Вельмир, и в его голосе была уверенность, которая не требовала доказательств. Это ты.

Мира смотрела на него, и в её груди росло что-то, что-то, что было похоже на счастье, на надежду, на что-то, что она не могла назвать, потому что не знала слов для этого. Она не знала, что будет дальше, не знала, сможет ли спасти этот мир, не знала, вернётся ли когда-нибудь домой, но она знала

одно: она не одна. И этого было достаточно.

Ночью, когда все уснули, Мира вышла на мостки, и Вельмир последовал за ней, и они стояли рядом, молча, глядя на чёрную воду, в которой отражались звёзды, незнакомые, но красивые, и на багровое небо, которое уже не казалось таким страшным.

Ты боишься? спросил Вельмир, и голос его был тихим, почти шёпотом.

Боюсь, сказала Мира, и голос её был честным. Боюсь, что не справлюсь. Боюсь, что потеряю тебя. Боюсь, что не вернусь домой.

Я тоже боюсь, сказал Вельмир, и в его голосе была уязвимость, которую он не прятал. Боюсь, что потеряю тебя. Боюсь, что не спасу свой народ. Боюсь, что останусь один.

Ты не один, сказала Мира, и голос её был твёрдым. Я здесь. Я с тобой. Я мост.

Вельмир посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Мира не могла назвать, что-то, что было глубже любви, глубже страха, глубже всего.

Я знаю, сказал он. И это единственное, что держит меня на плаву.

Он обнял её, крепко, сильно, так, что больно, так, что хорошо, и Мира прижалась к нему, чувствуя его тепло, его силу, его жизнь. Они стояли так долго, пока звёзды не начали гаснуть, пока небо не начало светлеть, пока заря не вспыхнула на горизонте, голубая и золотая, вместе, как мост, как

жизнь, как они.

Завтра, сказал Вельмир, мы пойдём дальше. Второй ключ. Каменное Сердце. Там опасно. Там пепельные. И там моя мать.

Мира подняла голову, посмотрела на него, и в её глазах была решимость, которую она не прятала.

Тогда мы пойдём вместе, сказала она. И я не дам тебя убить.

Вельмир посмотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Ми

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.